

Андрей Иванов

**ПРАВЫЙ ЛАГЕРЬ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ***

УДК
94(47)“1905–1917”

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы истории правых политических партий Российской империи. Особое внимание уделяется таким острым проблемам как национализм и антисемитизм русских правых, черносотенный террор, вопрос об ответственности черносотенцев за еврейские погромы. Внимание также уделено взаимоотношению правых партий и союзов с правительственной властью, программе правых по противодействию надвигающейся в 1917 году революции и причинам их стремительного поражения. Опираясь на достижения современной российской историографии, автор показывает, как за последние десятилетия изменились представления о правом лагере, его составе, численности и месте в политической истории России начала XX века.

The article discusses the debatable issues of the history of the right-wing political parties of the Russian Empire. Particular attention is paid to such acute problems as nationalism and anti-Semitism of the Russian right, the Black Hundred terror, the question of the responsibility of the Black Hundreds for the Jewish pogroms. Attention is also paid to the relationship of right-wing parties and alliances with government, the program of the right, to counter the impending revolution in 1917 and the reasons for their rapid defeat. Based on the achievements of modern Russian historiography, the author shows how over the past decades, ideas about the right camp, its composition, number and place in the political history of Russia at the beginning of the 20th century have changed.

Ключевые слова: Правые партии; черносотенцы; русские националисты; черная сотня; русские монархисты; политические партии Российской империи.

Key words: Right-wing parties; the Black Hundred; Russian nationalists; Russian monarchists; political parties of the Russian Empire.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

С момента поражения правых политических партий и союзов Российской империи прошло уже более ста лет. Появившись в начале XX века, они просуществовали полтора десятилетия и, выступив грозной контрреволюционной силой в 1905–1907 гг., бесславно и неожиданно тихо для своих политических противников сошли с исторической сцены в 1917 году. Конечно, попытки реставрации правого движения предпринимались и в годы гражданской войны, и в эмиграции, однако на фоне успеха, достигнутого правыми во время Первой российской революции, эти усилия выглядели весьма блекло, а их результат – более чем скромным.

За последние три десятилетия в изучении истории правого движения был совершен настоящий прорыв. Исследовательская литература, посвященная дореволюционным русским правым, на сегодняшний день весьма представительна и выражает различные точки зрения на это явление российской политической жизни [7; 12]. Тема, многие годы бывшая фактически запретной, а затем довольно долгое время освещавшаяся упрощенно и предвзято, начиная с 1990-х гг. стала привлекать к себе пристальное внимание исследователей, изучивших к настоящему времени основные сюжеты из истории правого движения. Среди наиболее важных исследовательских работ, охватывающих историю правого движения во всероссийском масштабе, в первую очередь необходимо отметить монографии С.А.Степанова, Ю.И.Кириянова, И.В.Омельянука, А.В.Репникова, Д.А.Коцюбинского, С.А.Саньковой [37; 13; 25; 31; 32]. И хотя «лакун» в этой теме все еще хватает, а многие вопросы продолжают оставаться дискуссионными, современная историография и корпус доступных источников позволяют сделать некоторые обобщения и наблюдения, подводящие своеобразный итог этапу современного осмысления этого явления политической жизни Российской империи начала XX века.

Одним из несомненных достоинств современной историографии правого движения является ее большая беспристрастность по сравнению с написанными в пылу политической борьбы публицистическими работами начала XX века и выдержанными в рамках строгого идеологического канона исследованиями большинства советских историков. Конечно, работы современных профессиональных историков в той или иной степени также несут отпечаток политических предпочтений их авторов (а в отдельных случаях, по выдержавшим несколько изданий монографиям, можно судить и об изменениях этих предпочтений

[36;35;37]). Однако стремление к объективной оценке правого движения, кажется, стало уже тенденцией.

Вместе с тем, в этой теме остается еще немало дискуссионных вопросов, спорных моментов, малоисследованных сюжетов, требующих дальнейшего изучения.

Кто такие правые?

Одной из таких дискуссионных тем является полемика о границах правого лагеря и его организационном единстве. Во избежание терминологической путаницы (ибо за последнее столетие кто только не относил себя к «правым силам») напомним, что под термином «правые» относительно российских реалий начала XX века принято понимать политические силы, отстаивавшие царское самодержавие и исповедовавшие в качестве политического кредо знаменитую уваровскую триаду: «православие, самодержавие, народность». Как разъяснял один из видных деятелей черносотенного движения Г.А.Шечков, «правые – это русские люди, желающие остаться русскими, верными себе самим и своему долгу перед отчеством. <....> На их хоругви, как и у них на душе, есть заветные три слова: "вера, царь и народ", и осеняет эти три слова не фригийский колпак, а Крест святой» [42].

При этом термин «правые», несомненно, шире понятия «черная сотня». На наш взгляд, для лучшего понимания политических реалий начала XX века к черной сотне следует относить лишь тех деятелей, партии и союзы, которые *сами* называли себя черносотенными, не стыдясь этого названия. Иначе говоря, если все черносотенцы – это правые, то далеко не все правые – черносотенцы. Черносотенцы представляли собой крайний фланг правого лагеря дореволюционной России, включавший ряд умеренно правых организаций, дистанцировавшихся от черной сотни, и возникшие уже после революционных событий 1905–1907 гг. политические структуры русских националистов (с некоторыми оговорками), а также широкий спектр кружков, салонов и прочих неформальных объединений русских консерваторов. К правому лагерю также можно отнести императора, ряд государственных, общественных и церковных деятелей, консервативных публицистов. Причем лагерь этот никогда не был монолитным, и внутри него шла довольно острая политическая борьба. У черносотенцев после 1907 г. не прекращались расколы, приведшие в итоге к раздроблению крупнейшей монархической

организации – Союза русского народа (СРН) на ряд самостоятельных партий (СРН под руководством Н.Е.Маркова, Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА) во главе с В.М.Пуришкевичем, Всероссийский Дубровинский СРН и др.). Помимо конфликта между крайним и умеренным крылом черной сотни явные идейные разногласия и политическая конкуренция существовали между черносотенцами и русскими националистами – членами Всероссийского национального союза (ВНС) и родственных ему организаций: Всероссийского национального клуба, Киевского клуба русских националистов и др.). Многие консервативно настроенные сановники не только не содействовали правым партиям, но и чурались их.

Газета «Черносотенец» (Казань)

По целому ряду принципиальных вопросов – об отношении к треть-еиюньской политической системе, столыпинским реформам, модернизации страны и т. д. – внутри правого лагеря существовали весьма существенные разногласия. Правый лагерь, мобилизовавшись в 1905–1907 гг. в консолидированную и влиятельную силу, в последующие годы уже не мог претендовать на организационное единство. Точно также, как либеральный и социалистический лагерь, он распался на ряд течений и направлений, сохранявших идеологическую близость, но отнюдь не полное единомыслие. Поэтому среди историков до сих пор нет согласия, например, в отношении партии русских националистов – ВНС. Одни исследователи объединяют националистов с крайне правыми в рамках понятия «черносотенцы» [24], другие даже не рассматривают их как часть общего правого лагеря [13], третьи – не без оснований указывают на «пограничный» характер этого идейно-политического движения, сочетавшего в себе как консервативные, так и либеральные составляющие [16; 32]. К тому же важно учитывать и то, что граница между правым и либеральным лагерями в начале XX века далеко не всегда являлась четкой и строго определенной: некоторые провинциальные отделы Союза 17 октября, который подавляющее большинство современных исследователей справедливо относят к правому флангу либерального движения, мало чем отличались от отделов черносотенных союзов – местная правая общественность, не желая конфликтовать с властями и рассчитывая на их поддержку, нередко записывалась в ряды «респектабельных» октябристов. В свою очередь, некоторые правые октябристы мало чем отличались от русских националистов, а левый фланг ВНС определенно тяготел к правому флангу либерального движения, что и показали события 1915 г., когда выделившиеся из ВНС «прогрессивные националисты» примкнули к оппозиционному Прогрессивному блоку.

Идеологические установки

Говоря об идеологических установках правого лагеря, также необходимо обратить внимание на ряд моментов, которые были уточнены современной историографией. Как уже отмечалось выше, центральным идейным постулатом, отстаиваемым всеми без исключения правыми партиями, являлась триада, сформулированная графом С.С.Уваровым еще в царствование императора Николая I – «православие, самодержавие, народность». Основным конституи-

Знамя Брянского отдела Союза русского народа. Источник: Аукционный дом и художественная галерея «Литфонд». Аукцион XXXI. Революционные события 1917 года в России и Первая мировая война: редкие книги, рукописи, автографы, документы, открытки, фотографии, плакаты и графика. М., 2016. С.78–79.

рующим признаком Российской империи для правых было православие, а лучшей системой политической власти, наиболее удовлетворяющей православному мировоззрению – царское самодержавие [25, с.228–262]. При этом правые указывали на принципиальные отличия «истинного самодержавия», ограниченного евангельским учением и исторической традицией, от западноевропейского абсолютизма [28, с.78–79]. Афористично это выразил один из видных деятелей черной сотни, отмечавший, что «Русь самодержавием строилась, а абсолютизмом болела» [41, с.6]. Считая себя идейными наследниками славянофилов, почвенников и русских консерваторов конца XIX в., русские правые продолжали отстаивать тезис об особом историческом пути России, а следовательно, выступали противниками механического заимствования западноевропейских политических институтов и идей. В равной мере являясь противниками либерализма и социализма, русские правые, вне зависимости от толков и течений, всегда выступали против буржуазных ценностей, индивидуализма, материализма, антиклерикализма, космополитизма, идеи ра-

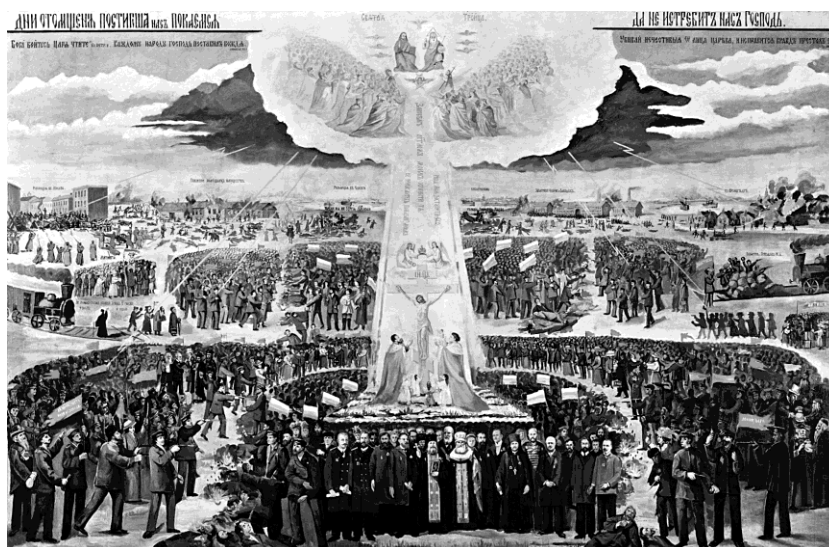
венства, ответственности царской власти перед представителями общества и любых проявлений антитрадиционализма.

Как и для предшествующих поколений русских консерваторов, для лидеров правых партий начала XX в. были характерны признание прио-

ритета самодержавно-монархической формы правления, необходимости сохранения конфессионального характера государства, принципа естественного неравенства людей, необходимости общественной иерархии, патриотизм. Данные установки приводили к особому отношению правых к таким общественным институтам как церковь, армия, школа и семья, которые выступали основными проводниками и хранителями традиции.

Отдельного внимания заслуживает свойственный правым национализм. У черносотенцев собственно национальная идея находилась в подчиненном положении, занимая «почетное третье место» после двух первых членов уваровской триады – православия и самодержавия. Играя в их идеологии важную роль, национализм не являлся главной ее составляющей. К тому же подчеркивание «русскости» во всех программных документах правых и борьбу за привилегированное положение в империи русского народа в большинстве случаев следует рассматривать не с этнических позиций, а с религиозно-культурно-политических. Русскими в представлении дореволюционных правых являлись люди, исповедующие православную веру, отождествившие себя с русской культурой и лояльные самодержавно-монархической системе власти [11]. Отстаивая национализм «государственный», лидеры правых партий и союзов, как правило, выступали с критикой национализма «племенного», характеризуя, например, национальную политику П.А.Столыпина как «зоологический национализм» [5], а национализм, проповедуемый некоторыми идеологами ВНС, как «национализм без веры и царя» [20]. В отношении «инородцев» обычно практиковался следующий принцип: относиться к ним в строгом соответствии с тем, как они сами относятся к Православной церкви, царскому самодержавию, русскому народу и делу укрепления Российской империи. Собственно националистами, выдвинувшими идею нации на первое место (в ущерб православию и самодержавию) были идеологи ВНС и родственных ему организаций. Но даже наиболее радикальные из них (например, М.О.Меньшиков) оставляли представителям национальных меньшинств Российской империи возможность стать русскими. То есть в правом лагере «русскость» трактовалась не только как врожденное качество, но и как приобретенное. И среди русских националистов того времени такой подход к трактовке «русскости» был наиболее популярным. Даже идеологи ВНС подчеркивали, что под словами «русское

население» националисты понимают «не одно только великорусское племя, но и племена малорусское и белорусское, а также и другие племена, насколько они сливаются с русским населением и считают свои интересы общими со всем русским населением, а Россию – дорогой для них родиной» [2, с.157].

Картина «Дни отщепенца постигшего нас... Покаяемся, да не истребит нас Господь» (1905). В центре изображены вожди черносотенного движения. Источник: Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2006.

Среди видных участников и покровителей монархического движения встречаются выходцы из татарских родов В.П.Мещерский, А.А.Ширинский-Шихматов, А.Н.Карамзин, немцы по происхождению В.А.Грингмут (по другим данным – еврей), М.Ф.Таубе и С.К.Гершельман, поляки В.Ф.Залеский и С.К.Глинка-Янчевский, молдаване П.А.Крушеван, Г.В.Бутми де Кацман и П.Ф.Булацель, грузин И.А.Думбадзе, хакас Н.Ф.Катанов, французы В.Ф.Доррер и М.Н.Дитрих (урожденная де Рошефор), голландец Н.Ф.Гейден и многие другие. А в Главном совете ВНС состояли такие люди, как А.П.Урусов, А.А.Потоцкий, Н.К. фон Гюббенет, Ф.Н.Безак, А.И.Урсати, Н.П.Пештич, также считавшие себя, несмотря на нерусские фамилии, «истинно русскими людьми». При этом те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые, с точки зрения правых,

присущие русской народности качества (православие, монархизм, патриотизм), переставали быть для них русскими. Так, лидер РНСМА В.М.Пуришкевич, мать которого была полькой, подчеркивал, что в национальном вопросе русские правые исходят не из этнической принадлежности того или иного человека, а из национальной самоидентификации. «Сопоставьте теперь с одной стороны немцев: Екатерину II, Миниха, Остермана, Меллер-Закомельского, Ренненкампа, Кауфмана и с другой стороны – Милюкова, Павла Долгорукова, Петрункевича, Родичева, Набокова (лидеров кадетской партии. – *А.И.*). Можно ли и здесь применять зоологический национализм?» – вопрошал Пуришкевич, сравнивая «русских немцев» – государственных деятелей и русских по крови российских либералов, которым он в принадлежности к русскому народу отказывал [40, с.27].

**Еврейские погромы
и антисемитизм**

Одной из самых «острых» тем при обращении к истории монархического движения по-прежнему остается вопрос об антисемитизме русских правых, причастности черносотенцев к еврейским погромам и террору. Эти обвинения, появившиеся с момента возникновения правых политических партий и союзов, стали расхожим местом как советской, так отчасти и российской историографии. Однако здесь также нужно отметить ряд важных нюансов. Что касается антисемитизма, то это обвинение во многом справедливо: подавляющее большинство русских правых, действительно, не испытывали к евреям симпатий, позволяли себе недопустимые по современным меркам высказывания в их адрес, причем в начале XX века юдофобия из традиционного для консервативной христианской традиции неприятия иудаизма все чаще превращалась в «племенной» и даже расовый антисемитизм. Последнее обстоятельство постоянно заставляло видных представителей Православной церкви одергивать патриотов-антисемитов, указывая им на принципиальную разницу между иудаизмом как религией, отвергающей Христа, и евреями как национальностью, между ветхозаветными еврейскими праведниками и евреями-атеистами из либерального и революционного лагерей [6, с.6–12; 22, с.104–108]. Более того, известный своими правыми взглядами и покровительством СРН митрополит Антоний (Храповицкий) отмечал, что даже у современных иудеев

есть чему поучиться русским людям: отношению к семье, своему народу, стойкости в вере, трудолюбию [1].

Также важно помнить, что в той или иной степени антисемитизм в начале XX века был характерен для многих европейских консервативных деятелей, партий и организаций, поэтому говорить о нем как о явлении исключительно русском было бы неверно. Некорректно, как это делал У.Лакер и вслед за ним некоторые современные историки, говорить о черносотенцах как о «наставниках Гитлера» [43]. У германских нацистов хватало учителей и без русских правых, которые, в своем большинстве, остались чужды расовому подходу, получившему широкое распространение в Западной Европе. Расовый подход захватил не столько черносотенцев (исключение – А.С.Шмаков), оставшихся в большинстве своем на позициях религиозного, политического, социального и экономического антисемитизма [30, с.255–257], сколько отдельных представителей «более культурных» и ориентированных на западные политические практики русских националистов, которые, как уже говорилось, дистанцировались от черной сотни (М.О.Меньшиков, И.А.Сикорский, П.И.Ковалевский) и заимствовали эти идеи у европейских расистов. Для большинства русских правых монархистов, находившихся под влиянием православия и имевших в своих рядах немало представителей духовенства, идеи «расовой неполноценности» не могли встретить сколько-нибудь серьезной поддержки. И хотя в публичных выступлениях вождей крайне правой ориентации довольно часто звучали грубые и неприемлемые для нашего времени антисемитские выпады, «экстремистскими» в современном понимании этого слова, они для тогдашнего общества не были. Как справедливо отмечает М.Л.Размолодин, несмотря на то, что и черносотенцы и русских националистов «объединяла крайне негативная оценка евреев как единственной на земле этнорелигиозной секты, вносившей нестроения в среду приютивших их народов», разность двух доктрин проявлялась в следующем: «Если националисты без критического анализа пошли на поводу у западных идеологов расизма, то черносотенцы остались верны религиозной традиции, согласно которой специфика народов определялась не физиологическими признаками, но религиями, формировавшими их духовный стержень, мировоззрение, смысл земного существования, а также поведение и этику отношения к окружающим», поэтому «именно иудаизм, а не состав крови, по

мнению крайне правых, стал источником негативных качеств евреев, приводя к напряжению с коренным населением в политической, экономической и иных областях» [30, с.257].

Другой дискуссионной проблемой остается вопрос о вине правых партий и союзов в череде еврейских погромов, прокатившихся по стране осенью 1905 года. Если для советской историографии было свойственно констатировать виновность правых вслед за их политическими противниками из левого лагеря как аксиому, то сегодня эта проблема выглядит не так однозначно. Говоря о еврейских погромах, следует иметь в виду, что в этот период правые партии еще находились в стадии формирования и принять участие в этих эксцессах не могли хотя бы по причине отсутствия у них на тот момент таких возможностей. В последующих еврейских погромах, произошедших в 1906 г. в Гомеле, Белостоке, Седльце, правые партии не принимали никакого участия.

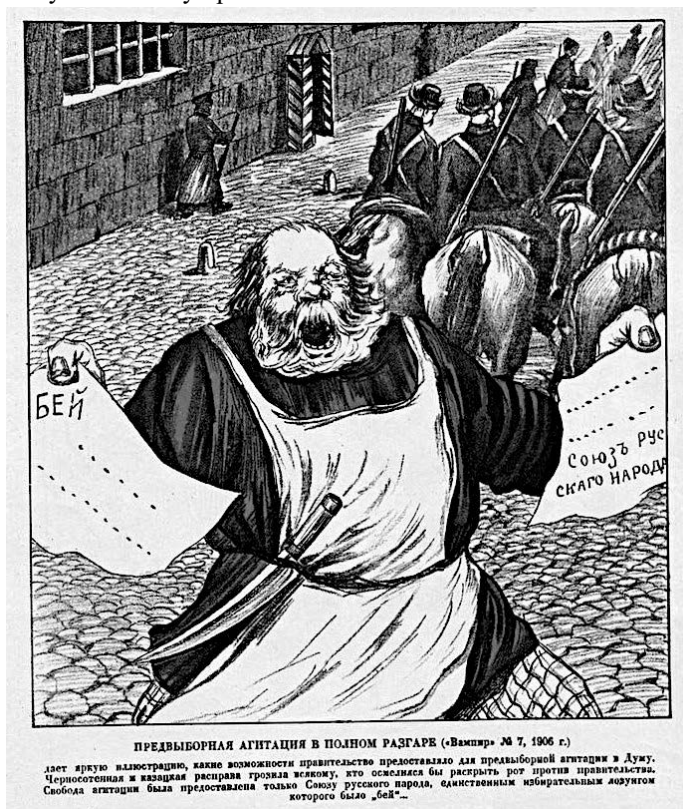
Показательно, что ни одна из всероссийских черносотенных организаций, несмотря на присутствовавший в их риторике антисемитизм, никогда не призывала своих членов к погромам, а напротив, осуждала эту форму борьбы. По крайней мере, до настоящего времени историкам не удалось обнаружить призывов лидеров правых к погромам, в то время как высказывания представителей правого лагеря с осуждением погромной тактики хорошо известны. С осуждением погромов выступали почетный член СРН Иоанн Кронштадтский, митрополит Антоний (Храповицкий) [34]; Главный совет СРН в ноябре 1906 г. называл еврейские погромы самосудом и «проявлениями дикого насилия» и указывал на то, что ему пришлось приложить немало усилий для того, чтобы удержать своих членов от подобных выступлений [15, с.104]. А черносотенный публицист А.П.Липранди и вовсе объяснял еврейские погромы отсутствием в 1905 г. сильных монархических организаций, способных сдерживать антисемитские настроения в народных массах в законных рамках [18, с.35]. Даже те из черносотенных политиков и публицистов, кто сочувствовал погромам (а такие, безусловно, были), не позволяли себе их публично одобрять. Известный своей воинственной антисемитской риторикой А.И.Дубровин решительно отмежевывался от обвинений в погромах, называя их «преступлением» (хотя и делал показательную оговорку, что до этого преступления русский народ был доведен «еврейскими преступлениями») [29, с.97, 106]. Поэтому, говоря о черносотен-

тенных погромах, следует уточнять, что в данном случае термин «черносотенный» может использоваться для характеристики монархически, антиреволюционно и антисемитски настроенных масс, не принадлежащих к каким-либо организованным политическим структурам, а не к возникшим чуть позже черносотенным (правым) партиям и союзам. Впрочем, это, естественно, не означает, что участники еврейских погромов 1905 г. не могли позже влиться в ряды черносотенных организаций, равно как и то, что среди деятелей правого движения не могло быть «погромных настроений». Однако официально погромная тактика вождями черной сотни осуждалась, ибо являлась действием «революционным», преступным, развращающим массы. Ведь те, кто с энтузиазмом громил еврейские лавки, с легкостью мог оказаться в рядах тех, кто позже жег дворянские усадьбы. Да и из прагматических соображений погромы, от которых страдали преимущественно представители мелкой еврейской буржуазии, были для лидеров правых явлением совершенно бесполезным, ибо их жертвы не имели никакого отношения к тем евреям, которые, по мнению консервативных теоретиков, сосредоточили в своих руках мировые финансы, влияли на судьбы мира или же руководили революционным движением. Другое дело, что воинственный антисемитизм русских правых уже сам по себе мог способствовать погромным настроениям среди малокультурных участников черносотенного движения. И тем не менее с подачи вождей черной сотни ни одного погрома в Российской империи в период 1905–1917 гг. не произошло.

Черносотенный террор

Не менее дискуссионной является и тема черносотенного террора. Не отрицая активную деятельность в 1905–1907 гг. черносотенных дружин в ряде российских регионов, направленную на противодействие левым радикалам, и виновность отдельных деятелей черной сотни в политических убийствах, важно обратить внимание на следующие моменты. В отличие от аналогичных дружин левых радикалов (бундовцев, эсеров, анархистов и т. д.) черносотенцы в большинстве случаев действовали легально, с санкции властей, которые их вооружали и осуществляли контроль над ними (хотя часто и недостаточный). То есть изначально они создавались не для

террористической или погромной деятельности, а для защиты правопорядка и помощи полицейским властям в условиях революционной ситуации. Это обстоятельство, конечно, не означает, что добровольные помощники власти всегда действовали в рамках закона, но неорганизованными бандами они также не были. В условиях экстремальной ситуации и свойственной ей радикализации общества (вплоть до эксцессов крайне острого гражданского противостояния – вооруженных столкновений, терактов, погромов), в 1905–1907 гг. черносотенные дружинники нередко превышали свои полномочия, а иногда и вовсе выходили из подчинения властям, однако преступления, совершенные ими, все же следует рассматривать как эксцессы, а не как целенаправленную террористическую политику правых.

Карикатура на черносотенца. Источник: Вампир. 1906. №7

Что же касается политических убийств, избиений и покушений, совершенных в этот период черносотенцами, то до сегодняшнего дня среди историков продолжается полемика относительно того, кем именно были инициированы данные преступления (например, убийство депутата-кадета М.Я.Герценштейна) – вождями черной сотни, Департаментом полиции или они были частной инициативой руководителей правых боевых дружин? И еще один важный момент: преступления, совершенные черносотенцами, несопоставимы по своему размаху с террористической деятельностью левых, число жертв которых в разы превосходит количество пострадавших от правых радикалов. Поэтому демонизация правого террора при романтизации террора левого, что все еще встречается в литературе, говорит скорее о политических предпочтениях авторов, но не об объективном подходе к экстраординарной ситуации 1905–1907 гг.

Кроме того, говоря об отдельных террористических акциях правых, нельзя забывать и о многочисленных терактах, совершенных против правых, жертвами которых стали многие черносотенцы. При этом террор против правых оправдывался не только эсерами и анархистами, но и социал-демократами, включая В.И.Ленина и Г.В.Плеханова. Последний, являясь в целом противником террора, утверждал, что по отношению к «черным сотням» социал-демократы могут «признавать только один прием – *террор*» [4, с.315]. И если левые радикалы своей террористической деятельностью гордились, то правые от обвинений в терроре всегда отмежевывались, осуждали его и объясняли участие отдельных своих членов в политических убийствах их личными низкими моральными качествами. Последнее замечание, конечно, не свидетельствует о том, что среди вождей правого движения не было людей способных на политические убийства (участие В.М.Пуришкевича в убийстве Г.Е.Распутина в 1916 г. и его попытка в годы гражданской войны организовать убийство М.М.Винавера говорят об обратном [9, с.254–302, 392–393]), но показывает принципиально разное отношение к террору в правом и левом лагере.

И последнее, что необходимо заметить: отношение к правому террору имели лишь представители черной сотни, которая, как было отмечено выше, не исчерпывала всего правого движения. Целый ряд партий и союзов как черносотенных, так и умеренно правых, особенно появившихся в самом конце революции 1905–1907 гг. или уже после ее окон-

чания (РНСМА, ВНС, Отечественный патриотический союз и ряд других), к насильственным методам борьбы никакого отношения не имели, хотя в числе их членов и могли состоять те, кто практиковал такие методы ранее.

Численность и состав

Несомненным достижением российской историографии стал пересмотр отношения к правым партиям и союзам как к бандам «хулиганов, грабителей и погромщиков» [27, с.40]. За

1905–1907 гг., в результате контрреволюционной мобилизации широких народных масс, правый лагерь превратился в многочисленную и влиятельную политическую силу. Достаточно заметить, что совокупная численность монархических партий и союзов составляла к концу Первой российской революции не менее 450 тыс. членов [25, с.85] (больше, чем совокупная численность левых и либеральных партий вместе взятых). Кроме того, ни левые, ни либеральные партии не могли похвастаться охватом всех сословных групп и классов российского общества, в то время как правый лагерь этим свойством до определенного момента обладал, имея в своих рядах представителей родовитой знати, дворянства, интеллигенции, духовенства, купечества, казачества, крестьян и рабочих. Участие последних в черносотенном движении в советское время обычно замалчивалось, а между тем на начальном этапе деятельности правых партий и союзов рабочие играли в нем немаловажную роль. Помимо участия в деятельности СРН и других правых партий, рабочие-монархисты имели и свои политические организации, среди которых наибольшую известность получили Киевский союз русских рабочих и Патриотическое общество мастеровых и рабочих уфимских железнодорожных мастерских.

Руководящие органы всероссийских правых партий и союзов в плане образовательного ценза мало уступали другим политическим партиям, имея в своих рядах видных ученых (А.И.Соболевский, П.В.Никольский, А.С.Вязигин, Ю.А.Кулаковский, В.Ф.Залеский и др.), юристов, сановников, администраторов и т. д. Все вожди всероссийских правых союзов имели высшее образование. Правые организации пользовались активной поддержкой со стороны значительной части православного духовенства, членами СРН были Иоанн Кронштадтский, будущие патриархи Русской православной церкви Тихон (Беллавин), Алексей (Симанский),

Сергий (Страгородский); среди членов правых партий и их покровителей было немало и других известных архиереев и священников, некоторые из которых ныне причислены РПЦ к лику святых. По подсчетам С.А.Степанова, в 1906–1908 гг. десятая часть председателей губернских отделов и почти треть председателей уездных отделов СРН являлись священнослужителями [37, с.316]. Призывы к духовенству и православным верующим вступать в ряды монархических союзов публиковались на страницах епархиальных изданий [17, 21]. Знамена правых союзов нередко выставлялись в православных храмах. Несмотря на попытки оппонентов представить черносотенное движение маргинальным, оно являлось массовым и до определенного времени пользовалось поддержкой значительной части российского общества, в отличие от политических организаций иной идеологической направленности. Однако со временем в результате внутренних распрей и расколов, допущенных ошибок и просчетов, стремления власти отмежеваться от своих защитников справа, радикализации российского общества и других факторов это преимущество правыми было утрачено. И численность правых партий и союзов после 1907 г. неуклонно снижалась, уменьшившись к Февральской революции практически в 10 раз – до 30–45 тыс. чел. [13, с.82, 417]. Такие же негативные процессы произошли в социальном составе правого лагеря, который к 1917 г. также заметно сузился.

Участники монархической делегации к императору Николаю II 1 декабря 1905 г.
Источник: газета «Вече».

Правые и правительство

Еще один сюжет, который подвергся пересмотру в новейшей российской историографии, касается взаимоотношений правых с властью. С одной стороны, в расширительном

(особенно свойственном для оппозиционной и революционной публицистики эпохи) толковании правые партии и союзы часто характеризовались как некий «придаток» не менее правой и реакционной власти. В современной историографии тенденция представлять правых верными клеветами правительственной власти сменилась более взвешенным подходом, учитывающим то обстоятельство, что, во-первых, эти отношения переживали различные стадии; во-вторых, отношение власти к правым и правых к власти сильно зависело от личности и политической позиции председателя Совета министров; в-третьих, отношение правого лагеря, представленного как крайними, так и весьма умеренными партиями и союзами, к власти также не было единым.

Но кое-что общее, характерное для правого лагеря, все же можно отметить. С момента возникновения крайний фланг правого лагеря – черносотенцы считали себя безоговорочными защитниками *царского самодержавия*, но никак не *правительственной власти*, практически сразу же став ее критиками справа. В условиях думской монархии крайне правые являлись консервативной оппозицией правительственной власти, став по отношению к ней своеобразными контролерами, блюдущими исполнение «подлинной монаршей воли» [3, с.277]. Представители правительственной власти отвечали крайне правым взаимностью: ни один из составов Совета министров не рассматривал черносотенцев в качестве своей опоры, предпочитая иметь дело с либерально-консервативными или консервативно-либеральными партиями. Нуждаясь в поддержке черносотенных масс в условиях революции 1905–1907 г., когда требовалась мобилизация всех контрреволюционных сил, правительственная власть стала дистанцироваться от них сразу же после окончания беспорядков, а то и целенаправленно содействовать их ослаблению. Революционные потрясения, как казалось тогда многим представителям бюрократии, безвозвратно ушли в прошлое, а тесное и неприкрытое сотрудничество с ультраконсерва-

тивными течениями в новых политических условиях компрометировало власть.

Все составы правительства (за исключением отдельных министров), по сути своей, имели характер не столько охранительный, сколько умеренно реформаторский и не являлись, в отличие от крайне правых, непримиримыми противниками развития России по западноевропейскому пути и постепенной либерализации общественно-политических отношений. В итоге, по справедливому замечанию Ю.И.Кирьянова, правительственная власть не столько помогала правым, сколько терпела их [14, с.20]. Это нашло отражение в том, что, несмотря на определенную финансовую поддержку ряда правых организаций, имевшую целью держать их под контролем, власть в то же самое время содействовала их ослаблению, превращая, по словам одного из вождей черной сотни Н.Е.Маркова, «полки» в «академии» [19, с.151–152]. Исключение в этом плане составлял лишь ВНС, ставший в последние годы нахождения П.А.Столыпина у власти его надежной опорой и своего рода «партией власти». Впрочем, такое положение продолжалось совсем недолго и уже с 1912 г. стало ясно, что новый премьер В.Н.Коковцов не намерен столь же тесно сотрудничать с русскими националистами. В результате консервативный фланг ВНС вынужденно оказался в правой оппозиции новому кабинету, часть националистов предприняла попытку перестроиться под новые реалии и превратиться в «центр», а в 1915 г. около трети думских националистов организовались в думскую фракцию (позже партию) прогрессивных русских националистов и встали в оппозицию правительству, правда, уже с другого фланга, поддерживая требования либеральной оппозиции.

Таким образом, отношение правых к правительству было двойственным и во многом зависело от изменения общественно-политического положения в стране: защищая власть от нападков левой и либеральной оппозиции, правые не являлись силой, слепо следующей правительственному курсу, и позволяли себе критиковать отдельных членов кабинета и некоторые направления его деятельности. При этом, в отличие от либеральной оппозиции, мечтавшей о «министерстве общественного доверия» («ответственном министерстве»), большинство правых преследовало другую цель: путем дискредитации вынудить уйти в отставку неугодных консервативному крылу

министров и тем самым заставить правительство отказаться от лавирования между интересами либеральной общественности и правыми кругами в пользу последних. Вместе с тем, добиваясь от верховной власти формирования кабинета из консервативных деятелей, правые, получая назначения на ключевые государственные посты, упустили все предоставленные им шансы переломить ситуацию в свою пользу. Из всех министров, назначенных императором из числа лиц, пользовавшихся доверием правого лагеря (Н.А.Маклаков, А.Н.Хвостов и др.), никто не сумел ни поставить общественные процессы под жесткий контроль власти, ни войти в конструктивно-сотруднические отношения с общественностью. Получался замкнутый круг, выхода из которого охранительными политическими силами так и не было найдено.

Причины краха

Стремительное поражение правых в 1917 г., которого не ожидали их политические противники, помнившие массовые контрреволюционные выступления черносотенцев в 1905–

1907 гг. и потому опасавшиеся «черной реакции», заставляет историков задумываться о причинах столь быстрого ухода монархических союзов с исторической сцены [8; 23; 38; 39]. К февралю 1917 г. правые партии подошли в состоянии полного разброда, глубокого уныния, осознания собственной обреченности. Растеряв за время Первой мировой войны остатки бывшего влияния [10, с.519–559], они уже не представляли силы, способной противостоять революции, и фактически потерпели поражение еще до свержения монархии. При этом трагизм положения правых усиливался тем, что утратив к 1917 г. поддержку широких народных масс, раздираемые расколами и внутренней борьбой, которую так и не удалось преодолеть, последние защитники самодержавия прекрасно видели надвигающуюся революционную бурю. Более того, им удалось с большой прогностической точностью предсказать как свое поражение, так и печальный итог деятельности либеральной оппозиции, закончившейся крахом имперской государственности и торжеством левых радикалов (П.Н.Дурново, Н.Е.Марков, П.Ф.Булацель, В.Н.Снежков и др. [26; 33]), причем

многие из этих «пророчеств» были сделаны еще до начала Первой мировой войны.

К началу 1917 г. у правых уже практически не оставалось сомнений в том, что революция стоит на пороге России. Представители правого лагеря искали способы спасти самодержавие, адресуя власти записки, предлагавшие ряд мер, направленных на противодействие революционным силам. Многие из этих предложений были, на первый взгляд, вполне адекватными (установление диктатуры, немедленный роспуск Государственной думы, введение военного положения в Петрограде и Москве; концентрация в обеих столицах надежных войск; немедленное закрытие всех органов оппозиционной печати; надежная защита телеграфа, почты и железных дорог; занятие войсками соборных площадей и других мест массовых сборищ и др.). Но проблема заключалась в том, что почти все эти предложения никому было воплощать в жизнь. В стране уже не было ни решительной власти, ни готовой брать на себя личную ответственность администрации, ни верного монарху генералитета, ни сплоченных монархических партий. Кроме того, несмотря на понимание, что революция становится неизбежной, практически никто из правых не допускал мысли, что она произойдет уже в феврале 1917 г. Другими неожиданностями, дезориентировавшими правых, стали отречение царя и его решение отказаться от борьбы; отказ великого князя Михаила Александровича взойти на престол; поддержка революции сверху (генералитетом, частью высшей бюрократии, аристократией) и ее национально-патриотическая риторика. Кроме того, в силу специфики монархического движения, русские правые оставались достаточно пассивными, адресуя большую часть своих требований монарху и его правительству, ожидая именно от действующей власти активности, решительности и руководства всеми контрреволюционными силами. Но, как показали события, действующая власть не смогла оправдать ожидания правых, а потому их призывы к диктатуре и проведению волевой и решительной политики повисли в воздухе. Выступить же самостоятельно, без призыва и лидерства со стороны верховной власти, правые оказались неспособны.

Политическое поражение русских правых было предопределено самим ходом истории. Уже к концу 1916 г. стало ясно, что «черносо-тенной угрозы», которой пугали либеральные и левые издания, не

существовало. Дискредитация царского самодержавия означала и поражение его наиболее рьяных защитников. Во многом трагедия консервативного лагеря заключалась в том, что, научившись довольно метко критиковать своих политических противников, находить слабые места в их программах, показывать с удивительной прогностической точностью последствия, к которым вели действия оппозиционного и революционного лагеря, сами они не смогли избежать серьезных ошибок, преодолеть внутреннего разлада, восстановить свое былое влияние на народные массы, предложить адекватные ситуации рецепты для вывода страны из глубокого кризиса и спасения монархии от краха. Однако поражение правых и их уход с исторической сцены в феврале 1917 г. не означал полного краха всех их идей. Как не раз отмечалось исследователями русского правого движения, являясь государственниками, русские правые монархисты были силой, отстаивавшей сильную верховную власть и государственное единство страны; были ориентированы на поддержку отечественного производителя; ратовали за укрепление вооруженных сил (при этом не стремясь к развязыванию военных конфликтов); боролись за народную нравственность и сохранение традиций [13, с.429–430]. Поэтому, несмотря на то что в деятельности правых было немало недостатков, просчетов и ложных установок, они не заслуживают исключительно негативной оценки, еще недавно господствовавшей в исторической науке (к настоящему времени, правда, уже во многом преодоленной). Размах русского правого движения, его численность, поддержка различными социальными слоями, равно как и след, оставленный им в истории, не позволяет признать это явление российской политической жизни начала XX века случайностью или «недоразумением». Правые были неотъемлемой и естественной частью политической культуры дореволюционной России и внесли немалый вклад в ее развитие и специфику.

Библиографический список

1. Антоний (Храповицкий). Слово в неделю святых жен-мироносиц, сказанное в житомирском кафедральном соборе 20-го апреля 1903 года // Волянь. 1903. 2 мая.
2. Балясный М.Я. Чего ожидать от русского национализма // Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. 2-е изд. СПб.: Типография журнала «Сатирикон», 1913. 242 с.
3. Барач П.А. Переоценка ценностей // Прямой путь. 1913. Вып.4. С.272–284.
4. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: РОССПЭН, 2000. 396 с.
5. В.М.Пуришкевич о националистах // Речь. 1911. 24 апреля.
6. Глаголев А.А. Ветхий Завет и его непреходящее значение в христианской Церкви. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. 61 с.
7. Ивакин Г.А. Историография черносотенного движения: этапы становления // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. №3–4. С.397–408.
8. Иванов А.А. «Черная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 года // Российская история. 2017. №2. С.42–59.
9. Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 448 с.
10. Иванов А.А. Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А.Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С.519–559.
11. Иванов А.А. Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е – 1917 гг.) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2017. №2 (22). С.40–50.
12. Карпухин Д.В. «Черная сотня»: Вехи осмысления в России. М.: Издательство МГОУ, 2009. 387 с.
13. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
14. Кирьянов Ю.И. Предисловие // Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М.: РОССПЭН, 1998. Т.1. С.5–66.
15. Кожин В.В. «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). М. [Без издательства], 1998. 228 с.
16. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
17. Лашков И. Несколько слов о «Союзе русского народа» // Холмская церковная жизнь. 1907. №2. С.47–49.
18. Липранди А.П. Равноправие и еврейский вопрос // Мирный труд. 1910. №10. С.30–80.
19. Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М.Б.Смолин. М.: Москва, 2002. 528с.
20. Марков Н.Е. Национализм без веры и царя // Свет. 1908. 26 февраля.

21. Нечто о великом нашем недоразумении // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. №16. С.506–509.
22. Никон (Рождественский). Мои дневники. Вып.6. 1915. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Лавры, 1915. 189 с.
23. Омелянчук И.В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. №7. С.3–21.
24. Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. №4. С.95–104.
25. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
26. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. Т.2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А.В.Репников, сост., предисл. и коммент. А.В.Репников, А.А.Иванов. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 652 с.
27. Портнов В.П. ВЧК. 1917–1922. М.: Юридическая литература, 1987. 207 с.
28. Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т.1. 1905–1910 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 720 с.
29. Приговоренный к расстрелу дважды (коммунист-монархист Александр Иванович Дубровин) / Публ. В.Г.Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д.Б.Павлова. М.: РОССПЭН, 2010. С.84–143.
30. Размолодин М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль: Ньюанс, 2012. 388 с.
31. Репников А.В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
32. Санькова С.М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел: Издатель Светлана Зенина, 2006. 370 с.
33. Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи / сост. А.В.Репников, Е.Н.Рудая, А.А.Иванов. М.: РОССПЭН, 2014. 414 с.
34. Слово о. Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в г. Кишиневе. С прибавлением слова епископа Антония о кишиневских событиях. Одесса: Изд. тип. И.Б.Иохельчика, 1903. 11 с.
35. Степанов С.А. Черная сотня. М.: Издательство «Эксмо». Издательство «Яуза», 2-е изд., доп. и перераб., 2005. 544 с.
36. Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914. М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. 329 с.
37. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
38. Степанов С.А. Черносотенцы в период Февральской революции 1917 г. // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Материалы 15-й Международной конференции. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С.797–803.

39. Шахматов В.В. Революция 1917 года и правомонархическое движение в России // Октябрьской революции – 100 лет. Сборник статей. М.: АИРО–XXI, 2017. С.176–190.
40. Шевцов А.В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб.: Издательство РНБ, 1997. 315 с.
41. Шечков Г.А. Об истинном значении некоторых слов. Харьков: Типография губернского правления, 1906. 17 с.
42. Шечков Г.А. Что такое правые? // Московские ведомости. 1916. 5 марта.
43. Laqueur W. Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia, New York: Harper Collins, Cop., 1993. 317 p.